

[Polaris]

Иван Ильинский

Подводный
город

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXXI

Salamandra P.V.V.

**Жан Жозеф
РЕНО**

**ПОДВОДНЫЙ
ГОРОД**

Salamandra P.V.V.

Рено Ж. Ж.

Подводный город. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 54 с.
— (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXXI).

Повесть «Подводный город» во всем напоминает об авторе — французском беллетристе, фехтовальщике, пропагандисте боевых искусств и дуэлянте начала XX века Жане Жозефе Рено. Ее герои, французский бездельник-спортсмен и юная сыщица-американка, разгадывают шифры, борются с бандитами и занимаются поисками сокровищ на земле и под водой.

ПОДВОДНЫЙ ГОРОД

Я нахожу, что гениальные сыщики — все эти Люпены, Лекоки и Шерлоки Холмы — ничего не стоят в сравнении с одной маленькой американкой, которую я знал (теперь она уже мать семейства, и у ней весьма приличный бюст!) и которая перед тем умела только решать журнальные шарады.

И притом, какая бедность воображения во всех этих полицейских историях!

То, что случилось с моей маленькой американкой, достойно пера Жюля Верна. Можно было бы поклясться, что приключения ее выдуманы, а между тем, нет ни одной подробности, которая не соответствовала бы истине. Это самый подлинный роман, который должен изумить и Шерлока Холмса, и его клиентов.

* * *

Тихо проснулся Морис Люрси.

Утренний свет пробивался сквозь занавески в спальне, и блестела сталь на винтовке Гаммерлеса, на трубе мотоцикла и на кодаке. Обстановка спальни была такая, какая вообще бывает в гостиницах. Морис испугался, что он проспал и пропустил обычный ежедневный теннис: как раз должна была принять участие в игре Эвелина Смит. Но он услышал шум прилива, и это его успокоило. В Гильнеке купались только во время прилива, а когда вода спадала, наслаждались теннисом.

Он зажмурился, отдернув занавески, и стал одеваться для тенниса. В зеркале он увидел себя с удовольствием. Он был совсем еще молодой человек с тоненькой талией, но уже с широкими плечами, с женственным лицом и с густыми волосами на голове. Он взял свою лучшую ракетку и спустился в кофе-рум выпить чашку

кофе со сливками. Если бы завтрак подан был ему в номер, то пришлось бы заплатить на семьдесят пять сантимов дороже, а Морису Люрси надо было ухитриться прожить свои вакации на триста франков в месяц. Его последние вакации! Дядя его и опекун в письме, которое он получил недавно, ничего не скрыл от него. За время пребывания своего в колледже Морис Люрси сделал успехи в рисунке, в английском языке и во всевозможного рода спортах. Надеяться на будущее нечего, потому что нечего больше ждать. Его способности определились, и ему остается только рассчитывать на самого себя. В восемнадцать лет надо или сдавать экзамены, или же поступить на какую-нибудь службу. Морис был сирота с детских лет, у него ничего не было, и дядя, воспитывавший его, устал его содержать и выдавать ему деньги на его спортивные забавы.

Наступит, следовательно, октябрь, и в кармане не будет ни копейки! Эта перспектива отравляла Морису вкус превосходного кофе и портила вид из окна на синий Ла-Манш, едва покрытый мелкой рябью.

Да и вакации свои он провел, надо признаться, довольно грустно. В неделю только раз или два приходилось пользоваться мотоциклетом, потому что требовалась починки, и дорого стоила эссенция. Под разными предлогами он не принимал участия в дорогих пикниках и в поездках вскладчину, что огорчало его, так как Эвелина Смит, прелестная дочь американского нефтепромышленника, всегда была там, где были все. Нельзя сказать, чтобы она выказывала ему особую симпатию. Она если и говорила с ним, то всегда серьезно, избегала любезностей и мало танцевала с ним на вечерах в казино. Но ради нее он перестал ухаживать за всеми другими барышнями.

Да и номер в дорогой гостинице «Сплендида» он занимал только потому, что ему сделана была уступка. Де-

ло в том, что несколько недель назад в ней обитал некто Раветт и случайно утонул. В вещах его не нашлось никаких указаний и никаких бумаг, из которых можно было бы усмотреть, откуда он родом и кто он такой. В Гильнеке никто его не знал, дирекции гостиницы было известно только его имя, и полиция разыскивала его родных.

Таинственный труп пролежал два дня в номере, и с тех пор комнату с трудом нанимали. Как только приезжий узнавал про утопленника — сейчас же очищал номер. Морис Люрси вошел в сделку, и ему по секрету сделали большую скидку. В номере оставлены были, однако, чемодан и валюза утонувшего Раветта.

Морис встал из-за стола и вышел из отеля, как вдруг вспомнил, что забыл надеть пояс с картушами, и поспешно вбежал в третий этаж.

Когда он открывал свой чемодан, стоявший в углу, позади что-то упало на пол. Ему показалось, что ракеткой, которую он держал под мышкой, он сбросил со стола пресс-папье. Но, застегнув чемодан, он оглянулся, и велико было его удивление: на полу лежал булыжник, завернутый в бумагу.

«Что за шутки, — подумал он, — кто это бросил?»

Он подбежал к окну и никого не увидел. Не было ни души.

Бумага была прикреплена к булыжнику резинкой. Он освободил листок в формате школьной тетрадки, согнутой вдоль, и прочитал следующее:

«На Берлинском вокзале или на Гамбургском не принимают никаких посылок в Колонии (*halte*), если укупорка не новая. Вечером это в особенности должно стеснять. Будьте любезны уведомить меня».

Записка была подписана большой буквой «З», а слева, сбоку, были поставлены цифры в таком порядке:

10
6
4

37 24
34 23
31 14
27 12

— Кто же позволил себе эту дурацкую шутку? А, наверное, этот идиот, Ван Эйден, сын торговца автомобилями «Ван Эйден и Ко»!

Ван Эйден часто любил задавать совершенно бессмысличные вопросы и, вызвав изумление, начинал так наивно смеяться, что на него никто не сердился.

Морис сложил записку и спрятал в карман.

* * *

Гильнек — это последняя бальнеологическая станция на Ла-Манше, который через несколько километров расстояния, у бухты Покойников и у Рaza, становится Атлантическим океаном.

В маленьких улицах с гранитной мостовой Морис встречался с толпами купальщиков или купальщиц в куртках и фланелевых панталончиках, картузиках, в белых юбках из белого пике и в лодочкообразных шляпках-канотье, снабженных вуалетками от ветра.

Морис пожимал руки товарищам, раскланивался с семействами и видел новые лица.

Морис обогнул отель «Пляж» с выражением особого достоинства, потому что в нем жила Эвелина со своей гувернанткой, и затем вошел в казино, внутри которого помещался теннис, хотя и малокомфортабельный, но «шикарный».

Вход стоил два франка: истинная жертва, когда получаешь в месяц триста франков!

Молодой человек по пути увидел мисс Эдит, ирландскую гувернантку Эвелины Смит. Она поднялась со скамейки.

— О, мосье Морис, ваш опекун лишает вас содержания. Племянница моя написала мне об этом! — вскричала старая дева, вся в черном и в комическом детском чепчике на рыжем парике.

«Вот так неожиданность!» — подумал Морис. Раз племянница этой смешной и, кажется, любящей выпить дамы сообщила о его секрете, значит, и Эвелина знает! И, пожалуй, перестанет разговаривать. А между тем, в последнее время она как будто стала посматривать на него и болтала с ним на недурном французском языке...

— Нет, мисс Эдит, ничего подобного! — возразил он.
— Не правда ли, какая чудная погода?

Он пошел дальше.

Эвелина кончала «сингль».

Гибкая, белокурая, вся какая-то яркая, она казалась частью этого светлого утра. Ей было шестнадцать лет, и в ее фигуре сказывались линии женщины, но вдруг прорывались детские движения и детский смех; вздрагивали глаза, и улыбка пробегала по губам маленького ротика. Волос на голове было необыкновенное изобилие; и как она была грациозна! Когда она изгибалась в игре, она казалась античной нимфой.

Они стали болтать. Морис боялся, что она сделает намек на его строгого опекуна и, конечно, он сам заговорил о нем.

— Я теперь проживаю остатки моих средств. Через какой-нибудь месяц я сделаюсь жалким contadorщиком, который не посмеет раскланиваться с вами.

Некоторое время она молчала; потом, опустив глаза, пробормотала:

— Знаю... Мне сказала мисс Эдит... Но я не люблю счастливых людей... Мы сделаемся друзьями.

Он был взволнован и изумлен. Ему хотелось что-нибудь сказать, и он не нашел ничего лучшего, как объявить:

— Этот глупый Ван Эйден бросил мне это через окно...

И он торопливо рассказал, как упала к нему идиотская записка, которую он кстати вынул из кармана.

Эвелина взяла записку и прочитала, может быть, сама довольная, что разговор принял другое направление.

Несколько раз внимательно перечитала она записку. В ее больших голубых глазах появилось сосредоточенное выражение.

— Поразительно, — проговорила она, — можно было бы подумать... Вы не видали, кто бросил?

— Нет. Мне казалось, что это мог сделать только Ван Эйден.

— Он уехал еще вчера утром на моторе.

Она стала расспрашивать его о подробностях. В каком этаже его комната? На какую улицу она выходит? Кто его соседи? Не находятся ли недалеко от его окна другие открытые окна?

Он отвечал на все ее расспросы и рассказал ей про утопленника, скрыв, разумеется, сколько он сам платит теперь за номер.

Вдруг она сказала:

— Я ужасно люблю шарады и загадки. И знаете, во всем этом должна заключаться какая-то любопытная загадка. Сегодня я вам возвращу эту записку в четыре часа в концерте. Мне надо подумать.

Она пожала руку Мориса и направилась к мисс Эдит.

А он, смотря ей вслед, думал: «Презабавная девочка! Со мной она обращалась все время почти пренебрежительно, а вот теперь стала любезничать, когда я ожидал, что она наплюет на меня».

* * *

В зале казино Эвелина долго ожидала Мориса, сидя рядом с мисс Эдит, которая вышивала. Концерт кончался, когда он, весь запыхавшись, подошел к девушке. Она слегка отодвинулась от гувернантки.

— Простите меня, — пробормотал он, заикаясь, — но сегодня после обеда, пока я был на пляже, обчистили...

— Вашу комнату?

— Да... Кто вам сказал?

— Никто... Это так естественно. Что же у вас утащили?

— Ничего ценного, к счастью. Печатку, портсигар и коробку с мылом. Негодяи не заметили ни моих часов, ни булавок... Однако, они все перевернули.

— В особенности в багаже вашего утопленника?

— Да... А это откуда вам известно?

— С вами есть карандаш и бумага?

— Да.

— Напишите такую депешу: «Гамбург. Шасба-авеню, Чикаго.

Согласны ли вы на комиссию трети цены бриллиантов, уворованных в тысяча девятьсот восьмом году, если я их найду? Морис Люсси. Гильнек. Франция».

— Ну?

— И отнесите на телеграф.

— Но...

— Немедленно!.. И без гримас. Мисс на нас смотрит, ведь она не посвящена... Идите же!

Морис повиновался, ничего не понимая. Сдал телеграмму и вернулся. Эвелина ждала его на берегу в шотландском плаще.

— Мисс Эдит такая зябкая, — сказала Эвелина Морису. — Она тянет в салоне чай с ромом, или, вернее, ром с чаем. Но все же она может прийти и помешать. Итак, скорее садитесь и не прерывайте меня. Письмо на булыжнике... А знаете, мне кажется, оно вас отлично устроит! Я с утра весь день думаю о нем, чтобы разгадать. Но это будет потруднее шарад. Сначала мне показалось, что текст поставлен наобум — какой попало, а что существенное в цифрах... Я всячески нанизывала их и тасовала, но без всякого результата... Представьте, голова разболелась! Я начинала уже думать, что я вовсе не так ловко разбираюсь в криптографии, как я воображала, и хотела уже все бросить, как мне пришло в голову, что, может быть, цифры содержат в себе ключ к письму. Исписала несколько листов бумаги и, наконец, нашла. Заметьте, всего сорок слов, а самая большая цифра — тридцать семь. Слагаемые вовсе не слагаемые. Одиннадцать чисел означают слова, на которые нужно обратить внимание из всей кучи... Сначала я перенумеровала слова до самого конца, а потом — в обратном смысле...

Записка писана по-французски. Расположим слова и цифры так:

Est ce la gare de Berlin ou celle de
 40 39 38 37 36 35 34 33 32
 Hambourg qui refuse tout colis qu'en apporte
 31 30 29 28 27 26 25 24
 pour les Colonies si l'emballage n'est pas
 23 22 21 20 19 18 17 16 15
 neuf; le soir surtout ce doit être gênant.
 14 13 12 11 10 9 8 7
 Sois assez bon pour me renseigner.
 6 5 4 3 2 1

Если же выделить слова, которые указаны цифрами сложения, начавши с ряда налево—37, 34 и т. п., и если их расставить в противоположном порядке, то получим:

«Bon, sois, ce soir, neuf, Colonies,
 4 6 10 12 14 21
 (*) apporte, colis, Hambourg, ou, gare.
 24 27 31 34 37
 (*) Halte.

Z.»

Или дословно, со знаками препинания:

— «Добрый! Будь сегодня вечером, девять Колоний.
Доставь тюки Гамбург — или берегись!

Стой!

3.»

Морис смотрел на Эвелину во все глаза... а девушка продолжала давать объяснения странной записки своим детским голосом... Он пробормотал:

— Да... действительно, получается смысл, но...
— Подождите.... тут вмешивается случай. Если бы я

не была американкой, я бы дольше билась над разгадкой... Вы знаете, что папа отправил меня во Францию только четыре года назад... Понятно ли вам это?... так я вам должна сказать, что перед моим отъездом в Чикаго обокрали одного еврея по фамилии Гамбург, богатого ювелира, который много лет был поставщиком нашего дома... У него пропало бриллиантов на пять миллионов. Кто украл?.. Неизвестно... Не могли узнать. Арестовали несколько типов... Только один был осужден, но без больших улик, и сослан в каторжные работы на пять лет. Это был француз Луи Бон; значит, надо читать не «добрый», а «Бон»... итак, пять лет прошло, и он должен был быть выпущен недавно на свободу... Но вы поняли, наконец?

— Боже мой! Ведь это он утонул! Булыжник был, очевидно, брошен по его адресу сообщниками! — вскричал Морис.

— Совершенно верно. Бон спрятал бриллианты еще до ареста, а отбыв каторжные работы, пожелал воспользоваться камнями для себя одного. Соучастники сердятся и угрожают, если он не поделится с ними...

— Но что значит «девять Колоний»?

— «Девять»? Девять часов. После слова «Колоний» стоит выноска в скобках: «Стой»... Поезд или змеевик, как выражаются здесь, потому что дорога узкоколейная, делает всего одну остановку, прежде чем присоединиться к главной линии... Не видали ли вы у этой станции отвратительного домишко?

— Как же! Там трактирчик: «Буфет Колоний».

— Ну, вот!.. «Буфет Колоний»... Но авторы письма скоро узнали, — может быть, через несколько минут после того, как бросили булыжник, — что Луи Бона больше нет в живых... И они обыскали его вещи и ваши сегодня после обеда, утащив кое-какие пустяки для отвода глаз, чтобы их приняли за простых воров.

— Конечно, им хотелось найти письмо и унести его!

— Они должны быть уверены, что письма их никто не разберет. Скорее же всего, они искали бриллианты или каких-нибудь указания на то, где они спрятаны.

— На другой день после смерти Бона жандармы исследовали весь его багаж и ничего не нашли... Ах, значит, чтобы получить кругленькую сумму, я должен открыть, где бриллианты?!

— Вы можете быть уверены, что Гамбург, потеряв всякую надежду, ответит вам, что, разумеется, согласен.

— А эта подпись — «З»?

— Вернее всего, начальная буква фамилии автора письма.

Морис поднялся, полный восторга.

— Хорошо! Значит, я должен быть сегодня в девять часов в «Буфете Колоний» на randevu апашей?

Голубые глаза Эвелины покрылись дымкой, голос ее слегка задрожал, когда она произнесла:

— Да, вам надо быть там... но смотрите — берегитесь!

— Я не боюсь... ах, мисс Эвелина, я вам так обязан...

— начал Морис.

— Тише! Вот и мисс Эдит: к тому же, я разобрала ребус, и моя роль кончена.

Морис, понизив голос, спросил ее:

— Скажите мне только, почему вы так добры ко мне сегодня, а все время были так холодны? Скажите, прошу вас.

Эвелина сначала потупила глаза и после некоторого молчания быстро проговорила:

— Я сама не знаю. Все подруги говорят о вас. Вы так хорошо играете в теннис... Еще — вы великолепный боксер... И спортсмен вы прекрасный — это я сама вижу... Мне всегда было приятно с вами... только, разумеется, не могла же я любезничать... Невозможно же... но ког-

да я узнала от мисс, что дядя ваш хочет лишить вас поддержки — мне так стало нас жалко, и мне захотелось быть вашим товарищем... Смотрите же, берегитесь сегодня вечером!

В глазах ее стояло молящее выражение.

Морис ничего не мог ответить, потому что подошла мисс Эдит и стала восхищаться заходящим солнцем.

* * *

Прелестная Эвелина! Какая проницательность! Приключения! Может быть, не придется служить! Морис начинал мечтать уже о благополучии и счастье. Одевшись в костюм шофера, он сравнивал себя с разными героями романов. Но хладнокровие и благородство вернулись к нему, когда он стал осматривать свой мотоциклет. Фонарь — вычищен. Резервуар — полон. Он вскочил в седло, нажал ногой на педаль для первых взрывов, открыл газ — и по обеим сторонам его бешено побежали назад, как придорожные призраки, — деревья, дачи, скалы...

Ветер бушевал в ночном мраке, свистал в ветвях деревьев, и вдруг пошел сильнейший дождь. Морис должен был замедлить ход... Повернув за выступ скал, он увидел вдали огонек.

Он закрыл кран, снял приводной ремень и бесшумно стал подвигаться вперед. Темной массой дремал у края дороги одноэтажный «Буфет Колоний».

Морис сошел с мотоцикла.

Сквозь щели ставен блестел огонь длинными нитеподобными лучами. Других признаков жизни не было. Под освещенным окном находился род навеса. Морис

вкатил туда свой измоченный дождем мотоциклет и заботливо отер его части и фонарь. Тут он натолкнулся на что-то большое и твердое. Протянув тихонько руку, он нашупал автомобиль: шесть мест, шестьдесят лошадиных сил, роскошная машина. Мотор, еще теплый, прибыл, очевидно, недавно.

Эвелина не ошиблась. Кто другой мог приехать на таком автомобиле в паршивый кабак? Сообщники Бона были, вероятно, люди богатые.

Морис подождал, пока успокоится его сердце. Во рту у него стало сухо, руки дрожали. Наконец, он сделал усилие и овладел собой. Риск — благородное дело. Стоило поработать, чтобы не быть конторщиком.

Он решил вспрыгнуть на автомобиль, а в следующую минуту он был уже на крыше навеса и, несмотря на ветер и дождь, приник к ставням.

Несколько человек разговаривали в дрянной спальне, вокруг стола, уставленного закусками.

— Положительно жаль, что Лафуин не навел справок! — послышался голос с английским акцентом.

— Но мосье Вернье приказал мне немедленно бросить письмо в окно гостиницы... Первым делом я занялся этим, как приехал... а уже затем узнал, что Бон утонул.

Голос был хриплый, протяжный, и принадлежал он какому-нибудь парижскому «типу».

— По крайней мере, Вернье, письмо было составлено с толком?

— Еще бы! Я ведь был нотариусом!

— И вы уверены, Вернье, что жилец ничего не понял?

— Абсолютно ничего! Когда Бон отбывал свой срок, мы этаким манером с ним переписывались. О дожде, о хорошей погоде — и все было понятно нам, а надзирателям казалось, что им все понятно!

— Но, мосье Вернье, что, однако, написали вы по поводу бриллиантов? — певуче спросил голос итальянца.

— Намеки — и ничего определенного!

Голос с английским акцентом начал:

— Бон был мошенник. С бриллиантами, которые он захватил с нашей помощью, он бежал в Париж, — и прежде, чем мы его увидели, он был арестован и выдан. Но ведь бриллиантов при нем не оказалось. Значит, он припрятал их где-нибудь. В тюрьме он пользовался нашими деньгами — стоило ему только потребовать — и в своих криpto-письмах к мосье Вернье уверял, что, как только его освободят, уедет во Францию, отыщет бриллианты и поделится с нами. А вырвать от него признание, где же именно бриллианты — нельзя было ни за что. Плут мог только сам найти клад с бриллиантами... На наш счет он жирел и, наконец, махнул во Францию...

— Но ведь был послан товарищ, чтобы встретить его в нью-йоркском порту?!

— Был послан, но напрасно он писал в воздухе указательным пальцем букву «З». Никто не откликнулся. Прошло четыре месяца. Ясно, что Бон захотел нас обокрасть. Никаких известий о нем. Я приказал искать его. Следы его найдены были в Париже, и недавно мне было сообщено, что эта каналья под вымышленным именем поселилась на этом пляже... Вот почему я всех вас созвал... Но он утонул — черт бы его взял! — и отчета от него мы теперь не добьемся.

— Как он утонул?

— Катаясь на лодке... Полиция перерыла его чемоданы и ничего не открыла...

— И я ничего не выудил! Сегодня я рылся, как крот — ровно ничего! Ни письма мосье Вернье, ни камня! — сказал итальянец.

— Бриэлло тоже ничего не нашел. Это надо было предвидеть. Нет других указаний, кроме нескольких местечек в письмах Бона.

— Каких? — спросил голос француза, по-видимому, из Марселя.

— Очень немногих. Например: «Бриллианты? Наверное они в безопасном месте». «Надо бы, чтобы их полюбили рыбы».

И еще вот клочок: «Я спрятал их в удивительном городе... в тот город никто не входит... сам Господь стережет их».

— А я нашел пожелтевшую бумажонку в одном старом его пиджаке, — сказал Бриэлло. — Но синьор Мак Зидлей, наш уважаемый президент, говорит, что находка не имеет смысла.

Английский голос проговорил:

— Черт ее знает, может быть, и имеет смысл, да я ничего не понимаю. Судите сами: «Д. А. Римская дорога. II. Во время отлива столб сейчас направо». Какое это имеет отношение к бриллиантам?

Морис, стоя у окна, испытывал такое чувство, какое бывает в кошмаре. Спит он, или это действительность? Он даже ушипнул себя.

Раздались негодящие голоса.

— Бон был порядочным негодяем Кто, как не товарищи, доставил ему деньги на путешествие в Америку и ввел его к ювелиру в качестве секретаря? Кто услаждал горечь его заточения? А он чем отплатил?

Острый голосок пронизал шум:

— Ясно только одно. У Бона должны были быть в чемодане какие-нибудь бумаги с описанием, где спрятаны бриллианты. Ведь это был мелочный господин, настоящий бюрократ. Не могу поверить, чтобы он был такой подлец, как вы его себе представляете. На всякий случай, он что-нибудь да оставил же. Если Бриэл-

ло ничего не нашел в багаже Бона, то потому, что мальчишка, который живет в номере, уже раньше обшарил чемодан.

— Возможно. Но в таком случае, у него великолепная осведомленность.

— В том-то и несчастье наше!

— Так не начать ли нам с него? Как вы думаете?

Голос внезапно смолк ввиду жеста, сделанного одним из собеседников — и вдруг все бросились к окну. Свет луны отбросил тень головы Мориса на поперечные перекладины ставней...

Они могли видеть, как он быстро спустился с крыши.

Внизу ощупью он нашел свой мотоциклет.

Увы, приехав, он забыл приспособить приводной ремень!

Все же он вскочил в седло и полетел, а шайка с проклятиями ринулась вниз по лестнице.

Морис перебирал ногами, колеса вязли в грязи, и он принужден был соскочить под тень дерева — потому что луна все ярче и ярче освещала поле — и стал приспособлять ремень.

Юноша торопился, пальцы его скользили, терялись драгоценные минуты.

Потом он опять вскочил на мотоциклет и помчался.

Однако, он мог слышать, что за ним тоже мчится автомобиль.

Морис въехал на вершину холма.

Туча закрыла луну. Мелькали кучи камней, уродливые яблони, и мотоциклет летел вниз. Дух захватывало. Это было падением в бездну. А позади ревел автомобиль.

Тяжелой машине стоило только налететь и ударить в мотоциклет сзади. Но Морис обладал настоящим физическим мужеством. И этот сумасшедший бег во мра-

ке ночи походил на какое-то состязание; самообладание спортсмена не покидало Мориса. Маленький, коренастый металлический бычок, на котором он сидит, сумеет ли опередить это чудовище? Наконец, достаточно будет, если автомобиль не нагонит мотоциклет. Вдруг прекратилась правильность взрывов... Тщетно Морис, взвинчивал рукоятку контакта; мотоциклет стал заикаться, как телеграф Морзе.

Налево, направо расстилались поля... Но у Мориса уже не было времени соскочить на землю. Мотор действовал все неправильнее и неправильнее.

Не доехая до перекрестка, автомобиль в несколько секунд взял расстояние и ринулся на ослабевший мотоциклет.

Но тут произошло нечто неожиданное.

* * *

Еще за десертом Эвелина, каждый вечер проводившая в казино, объявила мисс Эдит, что она хочет остаться в салоне гостиницы.

Подсев к роялю, она стала наигрывать фугу Баха, затем нервно раскрыла книгу и облокотилась над ней. Целый час заставляла она себя читать, потом встала и спокойно произнесла:

— Выйдем.

— Как! так поздно! и посмотрите, что делается на дворе!

— Что же, уже десять часов, и идет дождь, вот и все!

Мисс Эдит не противилась. Она принесла ватерпруфы и резиновые галоши, и скоро две женские фигуры в капюшонах покинули отель.

Молча шла гувернантка рядом со своей воспитан-

ницей. Позади уже исчезли огни Гильнека. Страх начал разбирать старую деву.

— Какая вы сегодня бесстрашная, Эвелина, а в другое время такая трусиха, вас не поймешь! — ворчала гувернантка.

Дождь опять хлынул. Что за прогулка! Будка шоссейного сторожа оказалась незапертой. Гувернантка и Эвелина не могли спрятаться в ней. Она стояла как раз у перекрестка. В углу свалены были разные инструменты: молотки, застуны и ломы. Что-то зашуршало. Мисс Эдит бросилась вон и зацепилась за борону с острыми зубцами, стоявшую у стены. Платье ее разорвалось.

— Ну, для чего мы здесь, Эвелина? — плаксиво сказала она.

— Изучаем природу, — сказала Эвелина. — Разве вам не правятся романы и стихи во вкусе Бордвортса и Лонгфелло?

Мисс Эдит восседала на куче мешков и плакала.

Дождь уменьшился. Снова показалась луна. Стоя на пороге будки, Эвелина смотрела на бледную ленту дороги. Трескучий звук мотоциклета и остервенелое гудение автомобиля раздались в лунном мраке. Расстояние между автомобилем и мотоциклетом было уже невелико, и ясно было, что совершается страшная погоня.

Эвелина схватила борону, вытащила ее на середину дороги и ждала. Мисс Эдит казалось, что она сошла с ума.

— Я не знаю, зачем вы это делаете. Я не позволю вам! — осторожно кричала она.

Автомобиль был уж близко, и тогда Эвелина, с непонятной для нее силой, бросила борону под его колеса.

Автомобиль повернулся, ударился в кучу камней и полуопрокинулся.

— Скорей, мисс Эдит! Бежим!

Они бросились бежать. По счастью, облако налетело

на луну.

Морис, между тем, приписал несчастье с автомобилем случаю. Он его благословил и благополучно достиг гостиницы.

Там ожидала его телеграмма:

«Разумеется. Очень охотно. Гамбург».

Морис лег. Простыни жгли его. В ушах звенело.

Что узнал он? Очень немногое. Для него и для них шансы были ничтожны... Что это за город, куда никто не вхож!

Но, может быть, ему разъяснит что-нибудь Эвелина?

* * *

На другой день за теннисом маленькая американка приветствовала Мориса милой улыбкой.

— Ну-те-ка, расскажите мне ваш вечер.

Когда он стал восторгаться случайностью, заставившей лопнуть пневматические шины автомобиля, она заметила:

— В самом деле, какой случай!

Когда же Морис все рассказал, она оперлась подбородком о рукоятку своей ракетки и, нахмурив брови, стала размышлять. Прозвонил колокол, приглашая к завтраку. Она произнесла:

— Позднее я хочу пострелять в цель из револьвера, — расстреливать булыжники близ Креста. Приходите!

* * *

В четыре часа Морис был на скалистой вершине у

Креста, воздвигнутого в память лодки, погибшей с людьми.

Эвелина подняла револьвер, показались пять быстрых дымков, и внизу откололись пять осколков от скалы.

Мисс Эдит сидела в сторонке и читала близ Креста. При виде Мориса Эвелина положила револьвер в чехол и громко закричала, чтобы перекричать шумные волны:

— Знаете что, мосье Морис, самое главное, теперь вам надо отсюда уехать. Тот, кто сумел придать случайно полученному письму такое значение и угадал его смысл, а вечером имел смелость подслушивать у окна и, к сожалению, попался — субъект, очень опасный для мошенников. Если бы все обошлось благополучно! О, тогда бы другое дело! По есть нечто более дорогое, чем бриллианты. Вы должны объявить всему Гильнеку, что уезжаете по непредвиденному делу. Уезжайте сегодня же. Но я прошу вас, — тут в голосе Эвелины задрожала ласковая нота, — обращайте внимание на все. Не доверяйте ни комиссionеру, ни вашему соседу по вагону, ни контролеру, ни кучеру. Я не думала, что отсюда возникнет такая опасность для вас. В Индии привязывают козленка и приманивают на него диких зверей. Но вы вместе и охотник, и козленок.

Тоненькая фигура Эвелины выделялась на огромном море. Она была такая милая, и столько в ней было нежности и заботливости, что его растрогало до слез.

— Мадемуазель Эвелина...

— Мосье Морис...

Они стояли без слов, и к ним долетали брызги пены.

— Вы потому стали ко мне так ласковы, что мой опекун чересчур суров ко мне?

— Тише. Во-первых, я вовсе не ласковая. Я довольно неприятная особа — по возможности. Ласковая я, мо-

жет быть, еще буду. Итак, ступайте же укладываться... Мне же легко будет убедить мисс Эдит тоже уехать через каких-нибудь четыре дня. Вот что, в будущую пятницу вы должны быть в чайной комнате «Ириса», в улице Риволи.

* * *

Чайная комната «Ириса» была полна. На хрустальной этажерке постоянно вертелись на четырех полках всевозможные пирожки и прельщали мисс Эдит. Добрая гувернантка нагрузила полную тарелку пирожками, гусиной печенькой и маленькими тартинками и пошла вслед за Эвелиной.

Прежде чем служанка, хорошенская, как актриса, принесла чай, мисс Эдит съела половину пирожков и тартинок.

— Принесите еще, — приказала Эвелина девушке. — Вот, кстати, Морис Люрси, он составит нам компанию. Ну, чем вы нас развлечете?

— Я опоздал, мисс Эвелина.

— Немного... но что это такое?

Весь его лоб пересекала узкой полосой черная шелковая лента.

— Первая любезность друзей Бона... Благодарю вас... Чашку чая... Хорошо, я расскажу вам... Но как вы живете?

— Мы — отлично. Но рассказывайте.

— Третьего дня я проходил через площадь Согласия и остановился, чтобы пропустить купе, запряженное парой быстро несущихся лошадей. Мне показалось, что я перед этим их только что видел, и это купе, и этих лошадей. В тот момент, когда дышло было влево от ме-

ня, кучер внезапно повернул лошадей прямо на меня — я сделал скачок в сторону и этим спас свою жизнь.

— Ну, а лоб отчего?

— А дело в том, что я поскользнулся и ударился о газовый рожок, который имел глупость находиться позади меня. При этом надо сознаться, что я потерял сознание.

— Ах, бедный мальчик!

Руки Эвелины соединились, и взгляд стал глубже.

— Когда я стал приходить в себя, мое первое ощущение было, что меня обыскивают. Очнулся я в аптеке. Вокруг меня вертелись восемь человек, из них два полицейских агента. Какой-то старик держал мой пульс. «Ничего серьезного, — говорил он, — переломов пет. Только царапина на лбу». У него был сильный немецкий акцент. Шляпа такая, как у священника, и золотые очки на маленьких, быстрых глазках. Это он сидел в карете, которая меня опрокинула. Фамилия доктора была Шиллер. Но самое удивительное было то, что он утверждал, будто я сам виноват. И то же сказали три свидетеля — два циклиста и один пешеход. Кучер тоже утверждал, что будто я бросился под колеса. Покушался на самоубийство. Можете себе представить! Я протестовал, по напрасно. Пришел в себя, но был оглушен, и только потом все это мне показалось подозрительным. Конечно, кучер был подкуплен.

— А вы его потом видали?

— Нет, доктор взял фиакр и уехал — карета не взяла его.

— А свидетели?

— Дав показания, они тоже поскорее удрали.

— Так свидетели, по-вашему, были лжесвидетели?

— О, конечно! Карета хотела меня раздавить.

— Вот что, Морис. Хотите, я буду звать вас прямо Морисом, гораздо короче?

— А я вас не смею называть Эвелиной?

— Нет, пожалуйста, вы меня тоже должны называть Эвелиной, а то я буду иметь вид какой-то старой вашей тетки. Итак, Морис, вы не узнали голоса доктора?

— Нет, потому что в «Буфете Колоний» в тот вечер не было никого с немецким акцентом. Но теперь, когда вы мне сказали...

— Теперь вы припоминаете, что слышали?

— Ах, я идиот! — вскричал Морис. — Да ведь он нарочно притворился немцем. Это был Мак Зидлей.

— И эти свидетели?

— Его друзья.

— В том-то и штука! Они следили за вами, и карета ехала за вами.

— Они хотели меня убить?

— Может быть. Но вернее — обыскать.

— Так, значит, свидетели, давшие свои адреса, солгали полиции?

— Еще бы! Знаете что, Морис, — помолчав, сказала Эвелина. — У меня для вас кое-что приготовлено... Мне кажется, я могла бы вас избавить от необходимости служить в конторе. Я страшно виновата, что втравила вас в это дело. Я уже раскаиваюсь. Бросьте!

Он привскоцил на месте.

— Что вы, что вы! Есть своего рода прелесть в опасностях. Притом, какие деньги — треть пяти миллионов! Ведь это около двух миллионов.

— Морис, их много, они опытны и обладают средствами. И подумать, что ваша жизнь находится в опасности из-за меня! Я просто прихожу в отчаяние.

Глаза ее наполнились слезами.

— Эвелина, какая вы прелестная! Я успею во всем, если вы сохраните ко мне хоть искру дружбы.

— Дружбы... не будьте таким злым, Морис, — сказала она по-английски.

И хотя Морис плохо знал английский язык, он понял.

От восхищения затрепетало у него сердце.

* * *

— Завтра вечером в пользу одного благотворительного предприятия, о котором вы можете прочитать в газетах, я принимаю вызов японского боксера... Не хотите ли посмотреть?

— Охотно. А где?

— В зале «Ниль». Вам я доставлю утром две контрамарки.

* * *

На следующий день вечером, в девять часов, Эвелина и Эдит вышли из автомобиля перед входом в залу «Ниль», ярко освещенную электрической луной.

Начались атлетические упражнения. По программе Морис Люрси, французский боксер, и Ризи, токийский чемпион, должны были закончить первое отделение.

Когда очередь дошла до них, все лица обернулись к дверям, где была комната для туалета борцов... Прошла минута. Потом появился маленький желтый человек, предшествуемый бородатым боксером в огромных перчатках. Какой-то господин во фраке вышел и заявил с эстрады:

— Милостивые государыни и милостивые государи, мосье Морис Люрси не явился, а потому он заменен мосье Роланом.

Эвелина потащила мисс Эдит объясняться к организатору борьбы. Она навела разные справки, и оказалось, что Люрси прислал сегодня вечером в залу «Ниль» свой костюм и перчатки. За ним послан был велосипедист и приехал с ответом, что молодой чемпион отправился в фиакре в половине девятого по направлению к зале «Пиль». Швейцар слышал, как он сказал адрес. Кроме того, два боксера видели даже, как Морис сошел с фиакра перед залой «Ниль»; может быть, они ошиблись. Больше ничего никто не знал.

* * *

Ночью мисс Эдит слышала, как Эвелина хохотала. Гувернантка открыла дверь в спальню девушки и хотела спросить, что такое с ней.

— Что смешного?

Но маленькая американка рыдала, лежа ничком на ковре, без слез.

* * *

Рано утром мисс Эдит вошла к Эвелине, которая сидела и писала.

— Милая Эдит, будьте добры, пошлите узнать, дома ли Люрси — что с ним произошло? — хотя, вероятно, его не застанут дома! И мне нужно посыльного. Пусть ко мне придет также Амели.

Амели, дочь кухарки, была такого же роста, как Эвелина.

— Амели, принесите мне свое платье, болеро и блузу... и шляпку... самую простенькую...

Эвелина надела костюм горничной и на голову на-
пялила шляпку с вороным пером.

Пришел комиссиянер: Морис не возвращался. Да-
дя его сердится и думает, что он бежал...

Пересмотрев «Весь Париж», Эвелина сказала мисс
Эдит:

— А теперь поедем со мной.

— В карете?

— Нет, в трамвае. Ведь я же прачка теперь и будто
ваша дочь.

Двухэтажный электрический вагон унес Эвелину и
мисс Эдит. Появлялись и исчезали в дрожащих стеклах
окон разнообразные кварталы. На площади Клиши
Эвелина и гувернантка покинули трамвай.

— Подождите меня на станции — вот там! — предло-
жила Эвелина.

— Но как же, Эвелина, вы пойдете одна?

— Дело касается очень важных вещей, — сказала мо-
лодая девушка.

Она поднялась по улице Коленкур; глянув на себя
в хрустальное окно магазина, она увидела отражение
миленькой, бедненькой работницы. В № 210 она вош-
ла. Из швейцарской на нее пахнуло тошнотворным за-
пахом лука.

— Мосье Жироли?

— В пятом, налево... Но дома только его хозяйка. Он
вышел еще утром.

— Благодарю.

Добравшись до указанной двери, на которой прибита
была медная дощечка: «Жироли, художник», она поз-
вонила. Старуха в грязном чепце отворила дверь.

— Барина дома нет.

— Ничего, мадам... Меня прислали из английской прачечной, что на Итальянском бульваре, предложить услуги. Нам нужны заказы у художников.

— Нет надобности.

— За первое белье, которое нам будет дано, мы платим пять франков... Хотя бы только за один воротничок... потому что, если хоть один раз клиент увидит нашу работу, он никуда уже больше не станет отдавать в стирку...

— Пожалуй, один воротничок дам... на пробу... — согласилась старуха.

Эвелина вошла. В мастерской, похожей на уголок чердака, не было ни одного начатого полотна, ни одного этюда. Ничто не свидетельствовало о работе. На стене висела зеленая материя. Пока старуха рылась в комоде, Эвелина отдернула материю и взглянула... Она увидела фотографический портрет, который живо заинтересовал ее.

— Ну, возьмите воротничок.

— А вот пять франков, и благодарю вас. Заметьте, — английская прачечная на Итальянском бульваре. Ваш барин будет доволен. Я уж десяти художникам ношу белье. Нет ли у вас бумаги, завернуть? А можно взять из этой корзины?

Она нагнулась, взяла из корзины кусок старой газеты и тут же незаметно захватила попавшийся под руку смятый конверт и железнодорожный билет.

Детское личико ее было очень озабочено, и на нем изображались разные настроения: то ей казалось, что она напала на след, то она впадала в разочарование. Наконец, она прибежала на станцию, где ждала ее мисс Эдит.

— Ну, что?

— Кажется, есть шансы; пойдем в улицу Ниль.

Перед залой «Ниль», запертой и мертвой, Эвелина

остановилась.

Она ходила то в одном направлении, то в другом и что-то быстро записывала в маленькой записной книжке. Потом она осмотрела все соседние дома, сравнивая их между собой.

Наконец, она вошла в самый вульгарный, расположенный против залы «Ниль». Вход был узкий, лестница маленькая.

— Вам что угодно? — спросил хриплым голосом швейцар, высокий и с одним глазом.

— Мне нужно нанять антресоли, — ответила Эвелина с самым страшным американским акцентом.

— Слишком рано... Приходите попозже.

— О, мы так нуждаемся в квартире, именно в этом квартале... вот мой мамаша... Она была профессор английского языка... хотите два франка... И лепта Богу... мы сейчас же пожертвуем, как только антресоли нам поправятся.

Великан посмотрел на иностранок.

— Ну хорошо, поднимитесь, — сказал он.

Поднимаясь, Эвелина пристально смотрела на ступеньки.

— Сейчас, — сказал швейцар на площадке.

Он вошел в квартиру и запер дверь.

— Какой сквозняк! — пожаловалась мисс Эдит.

В самом деле, стекло в окне на площадке было разбито.

Швейцар распахнул двери.

— Войдите.

Три чистые пустынные комнаты, с навощенным паркетом, расположены были в один ряд.

В третьей комнате Эвелина сказала:

— Обои немного порваны.

Бледность Эвелины поразила гувернантку.

Вернувшись на площадку, маленькая американка да-

ла крупную монету швейцару и прибавила:

— А можно играть на рояле? Мы не стесним жильцов?

— О, нет. Моя квартира внизу и там же чулан, а под вашей — сдается. Прямо против вас живет старик, наполовину глухой.

Эвелина наивно спросила, указывая на беловатые высохшие расплески на полу:

— А это он разлил молоко?

— Нет, это так, — отвечал швейцар.

Они вышли на улицу. Эвелина быстро и почти жадно осматривала стены узкого входа.

* * *

— Ну, что? — спросила гувернантка.

Эвелина отвечала, точно на экзамене:

— Морис связан, и рот у него заткнут. Он на даче близ Вилль-Давре, приблизительно в двух километрах от железнодорожного моста налево.

Мисс Эдит раскрыла рот, остановилась и почти с ужасом взглянула на воспитанницу.

— Да, они держали его в плена с половины девято-го вчерашнего вечера и до семи часов сегодняшнего утра. Тогда они вынесли его на площадку, где он чуть не вырвался из их рук. Борьба продолжалась до четырех последних ступенек. Там они положили его в большой чемодан или в корзину, которую поставили на карету и увезли по направлению к Вилль-Давре.

— Эвелина, вы смеетесь надо мной!

— Сядем в этот фиакр... а теперь слушайте. Вчера ве-чером, после глупого припадка отчаяния, я стала обду-мывать... Мне следовало бы с этого начать. На чем же

я должна была строить свою гипотезу? На нескольких именах, подслушанных Морисом в кабаке, и на самом исчезновении Мориса, которое представляет собой единственный достоверный факт. Он остановился у залы «Ниль», вышел из экипажа и в залу не вошел. Почему?... Очень просто, почему. Что должно было прежде всего озаботить его, когда он очутился перед дверями и в толпе? Узнать, где туалетная комната для борцов, чтобы ему можно было переодеться. Огромная зала, как вы видели, снабжена боковыми комнатами, из которых каждая могла служить для туалетных целей. Предположите, что он обратился к кому-нибудь, а тот нарочно ввел его в заблуждение. К кому же он мог обратиться? Естественно, к тому человеку в костюме боксера, который и нас старался запутать. Вспомните его хорошенько. По виду на кого он похож? На художника. Между именами, подслушанными Морисом в «Буфете Колоний», было одно, более отвечающее профессии живописца, чем другие: Бриэлло, то есть уменьшительное от Габриэлло. Во «Всем Париже» я нашла двух художников с именем Габриэлло. Один из них уже старик и имеет Почетного Легиона. Значит, не тот. А другой — Габриэлло Жироли, улица Коленкур. Я туда отправилась, и фотография, которую я там увидела, вполне подтвердила мое предположение. Кроме того, под зеленым покрывалом я нашла новый костюм боксера... То был он. Итак, гипотеза моя оказалась верной. Мне оставалось только руководствоваться ею. Но куда же мог он завлечь Мориса? Конечно, куда-нибудь поближе к зале «Ниль»: Морис далеко за ним не пошел бы. Там вблизи два дома. Один — частный особняк с величественным швейцаром, а другой — низенький и вульгарный домишко. Вечером его легко принять за флигель или пристройку к зале «Ниль». Только туда могли увести Мориса. Осмотр антресолей был только предлогом с

моей стороны. Что я увидела на ступеньках? Свежие царапины от каблуков. По всей лестнице шла одна и та же зигзагообразная полоска. Но на площадке она представляла собой спутанный рисунок... В третьей же комнате на обоях ногтями сделаны четыре узких перпендикулярных разрыва. Там Морис провел ночь, связанный по рукам и ногам, а оцарапал стену, когда отбивался. Швейцар, конечно, сообщник! Утром вытащили Мориса на площадку. Он на секунду освободился, разбил окно и разлил молоко, которое висело на крюке у соседних дверей. Но соседи глухие. На последних ступеньках уже нет царапин: его понесли на руках. В узком же проходе, на стенах, я увидела свежие горизонтальные царапины от коробки. Потому я и думаю, что его положили в коробку или корзинку. Произошло это после шести с половиной утра, уже когда молоко бывает принесено поставщиками, иначе пятна от молока так скоро не высохли бы. Очевидно, Жироли был уже около Мориса рано утром.

— А Вилль-Давре?

— Взгляните, что я нашла у этого художника — железнодорожный билет, обратный и неиспользованный, из Вилль-Давре, и конверт, адресованный Габриэлло Жироли с припиской от доктора Шиллера, Вилль-Давре. Этот Шиллер обыскивал Мориса в свое время. Вызванный этим письмом, Жироли поехал в поезде в Вилль-Давре — третьего дня, чтобы смастерить дело, — а вернулся на автомобиле или в карете с Шиллером, который, наверное, главный атаман шайки.

— Но как же вы, Эвелина, могли узнать, где находится дача?

— Хотя доктор живет в Вилль-Давре, но письмо опущено было в Севре, как указывает почтовое клеймо. Мы с вами когда-то прогуливались в тех местах. Я пришла к заключению, что этот Шиллер живет в самом конце

Вилль-Давре, поближе к Севру, иначе он опустил бы письмо в Вилль-Давре.

— Но, Эвелина, вы какая-то удивительная!

— Все это ни больше, ни меньше, как шарада... Но если б вы знали, мисс Эдит!

— Я хотела бы знать, что вы еще намерены предпринять?

— Найти эту дачу.

* * *

Два часа спустя Эвелина и мисс Эдит прибыли в Вилль-Давре. Маленькая американка сказала своей гувернантке:

— Моя добрая, подождите меня на вокзале!

Как ни сопротивлялась мисс Эдит, но она должна была повиноваться и стала ждать.

Под серым небом в беспорядке раскидывались дачи. Эвелина, с болезненным от усиленного внимания выражением глаз, углублялась в каждую тропинку и подолгу осматривала следы колес и шагов. Наконец, она остановилась только на двух или на трех дачах. Неподалеку старая женщина развешивала белье на протянутых веревках.

— Где живет доктор Шиллер, позвольте узнать?

— Вон, в том хорошенъком домике, с золоченой решеткой.

— Благодарю вас.

Эвелина направилась в указанном направлении и нашупала в кармане плоский револьвер, которому она передала теплоту своего тела.

Высокая стена, из-за которой едва выглядывали вершины деревьев, окружала дом. Эвелина обошла вокруг него.

Все ставни были закрыты. Среди мертвого молчания чирикал воробей.

Эвелина потянула за ручку звонка. Он громко позвонил. Никакого ответа. Она еще раз потянула за ручку. И опять звонок бесполезно прозвонил и замер. Эвелина нажала на щеколду, и оказалось, что калитка не была заперта. Слава Богу! Она вошла и стала звать в волнении, не имея силы воли дольше сдерживаться:

— Морис! Морис!

Потом она открыла ставень у ближайшего окна и увидала сквозь не занавешенные стекла огромную пустую комнату. На выступающем наружу подоконнике лежал ключ. Эвелина взяла его и попробовала вставить в дверь. Ключ пришелся. Дверь отворилась. В эту минуту за решеткой проходил почтальон.

— Скажите, пожалуйста, — крикнула ему Эвелина, — где же доктор Шиллер?

— Ключ, барышня, на окне. Если вам нужно осмотреть дачу, чтобы нанять ее, то сделайте одолжение. Хозяин уехал в Париж.

— Но я родственница доктора Шиллера... Как же он очистил квартиру, не написав мне ни слова?

— Извините, барышня, — некогда. А доктор Шиллер уехал сегодня утром с тремя своими друзьями, и аккуратно расплатился. Деньги передал соседям, которые живут на своей собственной даче. А багажа большого у доктора Шиллера не было.

Почтальон торопливо пошел дальше, а Эвелина вошла в дом. Она осмотрела две нижние комнаты. Никого не было. Но ей показалось, что она услышала глухой металлический скрип в третьем этаже. Она взбежала туда по винтовой лестнице и увидела в гробообразной комнате, которая могла бы служить мастерской для художника, колоссального идола, в то же время похожего на шкаф с полураскрытыми дверцами.

Шкаф, имевший человеческую форму, увенчивала железная голова женщины в старонемецком чепце, тоже из железа. Слышался мерный ход часовогом механизма. Эта страшная железная женщина без рук, но с полураскрытыми полами плаща, которые постепенно сходились, эта гигантская кукла, эта непонятная, страшная игрушка ужаснула Эвелину. Все же она приблизилась к ней, и — между двумя железными половинками плаща она увидела связанного по рукам и ногам и с заткнутым ртом Мориса, поставленного стоймя, но еще важнее, — она увидела, что две половинки были снабжены изнутри длинными, толстыми стальными гвоздями и под тяжестью двух гирь медленно закрывались. Эвелина бросилась раскрывать их. Но было бесполезно. Слабые руки ее не могли справиться с пудовыми тяжестьми. Она кричала, плакала, звала на помощь.

Глаза Мориса конвульсивно выпячивались и смотрели на нее каким-то бесконечным взглядом.

Развязать Мориса она не могла. Он был скручен ремнями, и с ней не было даже перочинного ножа. К тому же, отверстие было так уже узко, что Морис не мог выбраться из объятий железной женщины. Едва могла только Эвелина сама просунуть руку и вытянуть изо рта пленника кляп. Морис внезапно заговорил страшным голосом, который она не узнала:

— Скорее!.. Гвозди уже начинают колоть... С левой стороны железной женщины рукоятка... ближе к полу... поверните ее... скорее... от себя!

Эвелина увидала рукоятку, какой бывают снабжены маркизы у окон... Она повернула рукоятку, и гири поднялись, а дверцы раскрылись... Эвелина протянула руки к Морису.

— Отстегните пряжки, — скомандовал он, — вот так!

Она расстегнула ремни, и Морис был свободен. Но он едва мог ступать и лишился чувств. Когда же он при-

шел в себя, он пустился прежде всего бежать, полный инстинктивного страха перед этим домом, перед этой страшной машиной, перед тенью доктора Шиллера...

Только в поезде к нему вернулась способность говорить, и он смог рассказать, что с ним произошло. Его захватили именно так, как предполагала маленькая американка. Все как раз так и произошло. Этот Мак Зидлей был когда-то директором ярмарочного музея древностей, как мог заключить Морис из разговоров бандитов. Ужасное орудие пытки, которое известно было под названием «железной девы», не нашло покупателя, и оно осталось на руках Мака Зидлея. Он взял его со склада и решил им воспользоваться, чтобы добиться признаний от Мориса. Может быть, «железная дева» не раз сослужила ему службу...

Мак Зидлей в особенности требовал от Мориса, как знатока криптограмм, разгадки слов в письме Бона: «Д. А. Римская дорога. II. Во время отлива. Столб сейчас же направо». Пленник клялся, что он не понимает, и тогда его заключили в пыточную машину, объявив ему торжественно, что она окончательно захлопнется в течение двенадцати часов. Он слышал, как страшные дачники укладывали свои вещи и как замер дом. Надежды на спасение не было. Поскрипывали цепи спускавшихся гирь, и он считал направленные на него гвозди. Они были разной величины. Те, которые были предназначены для глаз и для сердца, были гораздо короче, — чтобы не сразу убить, а продлить страдание.

Вечером Морис, Эвелина и мисс Эдит вместе обедали.

В момент расставания Эвелина сказала ему с загадочным выражением в счастливых глазах:

— Я взяла ложу в комической опере. Приходите к нам, и я вас познакомлю с одним американцем, который приедет завтра вечером.

- Кто он?
- Мой отец...

* * *

На следующий день Морис явился в театр взволнованный, лихорадочно возбужденный и тоскующий. Два дня, как он обдумывал значение нескольких слов, из-за которых пытал его Мак Зидлей:

«Д. А. Римская дорога. II. Во время отлива. Столб сейчас направо».

Еще он слышал тогда в «Буфете Колоний» слова, приписываемые Бону:

«Я спрятал их в удивительном городе, куда никто не вхож, и сам Бог стережет их».

Смутно предвидел он возможность разрешения задачи — по каким образом? Он не знал, но «чувствовал» — и горел. Когда-то в колледже он точно так же бился над разрешением иной геометрической задачи и испытывал то же самое, когда решение, наконец, приближалось.

Эвелина и мисс Эдит сидели уже в ложе, обитой пурпурным бархатом. Маленькая американка была очаровательна в своем белом туалете. Ее рыжеватые волосы были украшены маками. Она была взволнована и взяла руку Мориса в свои ручки.

— Здравствуйте. Мне хочется представить вас отцу. Я много, много говорила ему о вас. Еще он с вами не знаком, а уже оценил вас по достоинству. Вы будете удивлены. Тише. Начинается увертюра. «Король Иса»!

Раздались яркие звуки медных инструментов, и Морис, словно зачарованный, стал думать о том городе, «куда никто не вхож» и где бриллианты находятся в

такой безопасности, что их «могут полюбить только рыбы».

В обыкновенное время его мысль была занята одной Эвелиной. Но теперь, после увертюры, он вдруг спросил ее:

— А что вы скажете новенького? Не правда ли, любопытно, что Мак Зидлей так настойчиво требовал от меня разгадки? Строго говоря, это вы должны были бы найти ее....

Она проговорила:

— Успокойтесь, ради Бора! Мало вам еще досталось!

Занавес поднялся, но Морис только глазами следил за картинами, изображающими древнюю легенду короля Гральона, его дочери Даго и его города Иса, поглощенного волнами... А мысли молодого человека все были направлены на один пункт. Впрочем, спектакль поддерживал в нем работу какого-то вдохновения.

Когда первый акт кончился, дверь ложи раскрылась, и вошел высокий и широкий джентльмен с угловатыми чертами бритого лица. Он был седой. Эвелина обрадовалась в стала представлять Мориса, который рассеянно смотрел и точно не мог понять, кто перед ним. Вдруг он издал восклицание, схватился за голову и, не клянясь, как будто обезумев, вскочил и закричал:

— Нашел! Догадался! Наконец-то!

Забыв обо всем на свете, он выбежал из ложи и даже не взял с собой шляпу.

* * *

Утром Эвелина получила от него такое письмо:

«Мой дорогой, мой прелестный друг! Умоляю вас извиниться за меня перед вашим отцом и перед мисс

Эдит. Я совершил невероятную грубость и почти не смею просить о прощении. Я плохо оправился, должно быть, от испытанных мной в течение последних дней потрясений, и нервы мои натянуты. Кроме того, ум мой постоянно занят этими бриллиантами, и так случилось, что в тот момент, когда вошел ваш отец в ложу, я добился, в качестве вашего усердного ученика, разрешения задачи. Оно было так ярко и неотразимо, что я забыл все приличия. Еще раз прошу меня извинить.

Теперь два слова. Пока я не добьюсь полного успеха, я не увижу вас. Мне хочется поставить последнюю карту, и мне кажется, что я выиграю игру. Скоро вы получите от меня подробное письмо».

Через неделю он прислал Эвелине обещанное письмо:

«Дорогая Эвелина!

Вот как я разрешил задачу. Она проста, и я удивляюсь, как я мог так ломать голову над ней.

Вдохновила меня комическая опера. Ведь вы знаете легенду об Исе? По преданию, город стоял у моря, и его защищали плотины. Дочери короля Гральона так нехорошо вели себя, что разгневали Господа Бога, и Он прорвал плотину. Море ринулось на город, и король не погиб только благодаря заступничеству святого Кемпера. В настоящее время жители деревень Адиерн и Дуарнене утверждают, что при сильном ветре можно слышать, как волны звонят в подводные колокола.

Такова легенда. Расспрашивая о ней, я между прочим узнал, что еще двести лет назад, в день всех святых, совершалось на судне, над тем местом, где был город Ис, заупокойное служение в память катастрофы.

После целого ряда экскурсий я убедился окончательно, что город Ис находится под водой в бухте Покойников.

Убеждает меня в этом, главным образом, большое число римских дорог, которые идут к бухте и вдруг кончаются у ее берегов. Зачем эти дороги? В них не было бы смысла, если бы они не были направлены к городу Ису. В один спокойный вечер рыбак подвез меня к месту, откуда можно было жердью достать до городских стен. Я говорю “стен”, а не “подводных скал”, потому что они слишком правильны и гладки.

Именно, я пришел к следующим заключениям:

Бон утонул во время плавания на лодке. Он был один. Случилось несчастье недалеко от Гильнека по направлению к Адиерну.

Город, “куда никто не вхож”, — город, которому “нет подобных” и который “посещают одни рыбы”, — есть город Ис.

“Д. А.” означает Дуарнене-Адиерн.

Я думаю, что римская дорога II — проводники тоже так называют ее — при большом отливе, и в особенности, если с берега дует ветер, должна привести к потонувшему городу.

“Столб, сейчас же направо” — значит, что Бон в углублении, сделанном в этом столбе или близ него, спрятал бриллианты, воспользовавшись исключительно низкой водой.

Но, чтобы добраться до бриллиантового тайника, необходимо редкое стеченье обстоятельств: во-первых, чтобы была самая низкая вода и, во-вторых, чтобы ветер дул с земли и отгонял море. Может быть, Бон не хотел ждать и просто с лодки нырнул в море за драгоценностями во время низкого отлива. Но ошибся в направлении и утонул.

Что касается меня, то я тоже не намерен ждать самой низкой воды, а удовольствуюсь просто низкой водой и береговым ветром. Я тоже нырну, но по всем правилам современного искусства, и запасусь пробочкой

фуфайкой. В таком костюме ничего не стоит нырнуть на несколько метров. Опекун мой, которому я рассказал всю историю, расщедрился, в первый раз в жизни подумал, что я куда-нибудь годен, и одолжил мне значительную сумму на расходы. Я нашел несколько помощников и сделал несколько опытов в Сене, близ моста Берси. Сначала было очень скверно. Отвратительное впечатление. На дне так темно, что приходится зажигать электрическую лампочку, а в шлеме воздух скоро исчезает и нечем дышать. Железная дева, в сравнении с пробочкой фуфайкой, благодать. Я готов был отказатьсь от бриллиантов. Но, может быть, ложный стыд удержал меня. Тем более, что после второго раза я уже довольно свободно прогуливаясь по дну Сены.

Завтра отправляюсь в Дуарнене со своим штатом. Теперь как раз время низкой воды. Чем черт не шутит, авось и удастся, и редкое стеченье обстоятельств придет на помощь!

Эвелина, я вам дам телеграмму, когда все окончится».

* * *

Морис со своими помощниками сошел в Адиерне и остановился в отдаленной гостинице. Он выдавал себя за фотографа, приехавшего снять как можно больше видов.

А помощникам он говорил, что ему надо проверить старую легенду о городе Исе. Они, впрочем, были честные люди — бретонские рыбаки — и им обещано было много денег, если предприятие удастся.

Морис немедленно приступил к своим изысканиям. Он стал изучать римскую дорогу подле того места, где

она смешивается с песком и пропадает в бухте. В десяти метрах от берега он велел прокопать дно и открыл древнюю мостовую. Он велел копать дальше, и получился тот же результат. После нескольких дней трудной работы Морис мог восстановить на карте весь древний путь. Чем дальше, тем булыжники, из которых выложена была дорога, становились крупнее: город был недалеко. Бретонцы вошли в его археологические интересы и работали с энтузиазмом. Кроме того, как все бретонцы, они были суеверны, и это придавало их увлечению печать постоянства и преданности.

* * *

Морис рано утром вышел из гостиницы и вдруг на повороте заметил человека, который шмыгнул в кусты.

Как ни в чем не бывало, он продолжал путь, по, дойдя до поворота, сам спрятался в кусты и стал поджидать. Вскоре он увидел человека. Это был лже-художник Бриэлло в крестьянском костюме.

Молодой человек сейчас же вернулся. Значит, за ним следит шайка Зидлея? Или они были свидетелями его опытов в Париже и его изысканий в Адиерне и теперь им уже известно, где найти бриллианты Гамбурга?

За завтраком он узнал другую важную новость. Один из помощников рассказал, что видел в бухте огромный керосинно-двигательный челнок, носившийся по воде с необычайной быстротой. Из сделанных затем описаний наружности хозяев челнока Морис узнал, что то были: Мак Зидлей, Бриэлло, Лафуин и Вернье.

Что делать?

После обеда вошли его помощники с радостными лицами:

- Ветер переменился.
- А когда вода бывает всего ниже?
- В четыре часа утра.
- Хорошо. Значит, сегодня ночью придется нырять.
- Хотя и с электрической лампой, но большой риск ночью. Если что случится, мы вам не в состоянии будем помочь.
- Все равно.

Он думал, что ночью легче избежать контроля Мак Зидлея.

- Каково море?
- Спокойно. На якоре будет превосходно.
- Отлично. Готовьтесь. А скажите, куда эти неизвестные люди прячут керосинно-двигательную лодку?
- А в маленькой бухточке, на западе — вон там — между двух скал есть полуостровок.
- От нашего пути далеко?
- Три километра.
- Так вот что. В девять часов ложитесь и притворитесь, что спите. Без всякого шума выйдите в полночь и принесите пробочную фуфайку и весь материал на барку. Страйтесь обойтись без огня, и марш на самый конец нашей дороги! Вам поможет компас... Ах, да, забыл... Сегодня в семь часов вечера мне хотелось бы взглянуть на керосиновую лодку. Так вы меня, пожалуйста, проводите.

* * *

Весь день провел Морис дома.

В семь часов он вместе с одним помощником вышел на дорогу, но только не через дверь, а через окно, выходящее в сад и в поле. Вскоре он подошел к Дикой

бухте. Полное спокойствие царило в ней. Узкая скалистая полоса выступала в море.

— На ее конце, вон там, стоит лодка, мосье.

— Отлично. Теперь вернитесь и помните, что в час я буду на месте.

Он медленно шел по скалистой косе, которая становилась все уже и уже. Морской прибой шумел по обеим сторонам. Лунный свет пробивался сквозь серебристые облака. Шагах в тридцати от него поднялся человек.

— Кто идет? — закричал голос с итальянским акцентом.

— Зе! — отвечал Морис, узнавший лозунг бандитов еще на даче.

— А, это ты, Лафуин?

Сильный порыв ветра заставил согнуться Мориса и итальянца. Они были уже близко, и еще Бриэлло не узнавал Мориса, как две руки внезапно опоясали итальянца, он потерял точку опоры, и его падение в море произошло почти без всякого шума.

«Я должен был это сделать», — сказал себе Морис без особой чувствительности, которая была бы, к тому же, бесполезна.

Так дошел он до лодки, стоявшей в изгибе берега и слегка покачивавшейся на воде.

Морис сошел в лодку. Снял kleенку с мотора. Нашупал инструменты, отвернул все гайки и в нескольких местах перепилил трубки и углы резервуара.

Потом он спрятался на некоторое время под скалу и, хотя тело его было густо смазано вазелином на случай ныряния, он стучал зубами от холода.

Ровно в полночь он покинул косу и через поле направился к римской дороге. Трудно было идти во мраке по бульжникам. И он едва смел светить себе электрическим фонариком. Наконец, он добрался до самого края дороги и тут нашел своих помощников.

Море так ревело, что он должен был закричать им в уши.

— Какая глубина? Вы мерили?

— Быстро мелеет. Пройти несколько туазов, и будет всего шесть метров глубины.

Вскоре барка поплыла. Ветер дул с берега. Все благоприятствовало. Сделав пятьсот метров, бретонцы опустили специальные якоря о четырех зубцах; барка достигла возможной неподвижности.

— Что ж, мосье, если вам угодно, ныряйте! — закричали ему.

Морис стал надевать пробочную фуфайку.

Один бретонец развернул веревочную лестницу и погрузил ее в море. Другой надел на голову Мориса сферический шлем с трубкой для воздуха и с сигнальными веревками.

Размышлять было нечего, хотя было страшно. Риск был громадный. Это читалось в глазах суровых рыбаков. Морис переступил борт, окунулся в кипящую волну и исчез.

* * *

Лестница тихо качалась. Но через несколько метров полная тишина окружила Мориса. Зато страшный холод терзал его. Он нажал кнопку электрической лампочки, висевшей у него на поясе, и сноп мутного света вытянулся перед ним в воде.

Нога его коснулась склизкого дна. В ушах шумело. Мучительно было дышать. Перед глазами стали прыгать фиолетовые, белые и красные огоньки. Но он преодолел первые мучительные впечатления, сделал несколько шагов вперед и наткнулся на дом. Дом вроде

тех, какие он видел в Помпее. Низкий, квадратный, с плоской крышей.

Направив фонарь в другую сторону, он увидел другой дом, третий, четвертый. Право, это была вторая Помпей! Перед Морисом лежала улица, и дома были занесены наполовину песком.

Морис открыл Ис, стоцерковный город, легендарный город короля Гральона!

Он кричал от радости, от энтузиазма, от гордости... Но где же столб?

Морис мог ходить только в районе пятидесяти метров. Улица была, очевидно, продолжением римской дороги, но столба не было.

Морис дернул за веревку, и его вытащили.

Когда он, весь еще трепеща, рассказал бretонцам о находке, они слушали его с разинутыми ртами и с испуганными глазами.

— Надо поставить лодку в другом месте, — сказал Морис, и якоря были подняты и затем брошены по его указанию.

Морис снова спустился и попал прямо на перистиль церкви. Она была уже наполовину разрушена, но архитектурные линии были благородны. Где коленопреклоненно молились бretонцы четвертого века, ползли водоросли. Виднелся огромный колокол. Может быть, он звонит по ночам, как утверждали крестьяне? Может быть, это была базилика, выстроенная святым Кемпнером?

Морис справился с компасом, пошел по направлению к берегу и очутился под огромным портиком между двумя столбами. С радостью стал он ощупывать тот, который стоял направо, если идти от берега, и над своей головой нашел углубление. Жадно погрузив туда руки, он вынул металлический ящик современной работы. Сердце его чуть не лопнуло. Красота потонувшего

города больше не пленяла его. Он бросился к лестнице. Наконец-то!

Морис испытывал величайшее блаженство. Но на барке его изумила поспешность, с какой помощники сняли с него шлем.

— Скорее, мосье. Люди, которые на керосиновой лодке, нас ищут. Взгляните-ка!

Морис, в тяжелом костюме и в сапогах с свинцовыми подошвами, едва мог повернуться, подобно рыбе, выхваченной из родной стихии. Вдали он увидел быстро перемещавшийся электрический свет.

— Да, мосье! Они уже проезжали мимо нас и не заметили, направившись в открытое море, а теперь возвращаются... Ложись, ребята!

Все легли на дно лодки. Морис тоже лег. Он ни о чем не думал, так он был полон впечатлениями и потрясешь. Он с силой сжимал в руках драгоценный ящик. Была минута, когда он открыл его и пощупал в полу-сгнившей вате гладкие и тонкие камни.

Послышалось клохтанье мотора. Электричество осветило барку. Совсем близко раздались восклицания. Морис поднялся. Лодка крюками захватила барку. Мак Зидлей держал прожектор и прямо направил в лицо Мориса сноп осветительного света.

Морис зажмурился, руки у него ослабели, и бандит без труда вырвал у него ящик с бриллиантами.

— Живо! Снять крючья! Дело сделано!

Мотор опять запыхтел. Уже лодка была далеко, и прожектор потух.

Но лодка не сделала и двух километров, как барку всю осветила красная молния. Еще через секунду раздался глухой взрыв. Лодка бандитов пошла ко дну.

Морис в отчаянии упал на скамейку и зарыдал.

* * *

Утром в «Гранд-отель Кемпер» Морис подробно рассказал все Эвелине и мистеру Смиту... Он похудел, был убит и с трудом описал последние события. В особенности тяжело было ему говорить о взрыве керосинодвигательной лодки, который он сам подготовил.

— Если бы этого не случилось, я где-нибудь их настing бы и отнял бы бриллианты. Я сам виноват.

— Но, может быть, и виновата лодка, которая не взорвалась раньше — до встречи с вами... Это было бы еще лучше! — невозмутимо сказал Смит, посасывая огромную черную сигару; и, помолчав, сказал в нос сквозь зубы:

— Так-то, мосье Люрси, вы не получите премии. Но, может быть, вы бы женились на моей дочери?

Морис с изумлением посмотрел на американца, у которого было такое угловатое лицо. А Эвелина улыблась ему.

Не помня себя от радости, Морис пробормотал:

— О таком счастье я не смел даже мечтать!

Мистер Смит пососал еще сигару и сказал:

— Вы оба еще немного молоды, но в Америке на это не смотрят. У нас такой порядок: если новобрачные уживаются, значит, — хорошо, а если не сходятся характерами, — мы сейчас же их разводим.

ОБ АВТОРЕ

Французский журналист, прозаик, драматург и переводчик Жан Жозеф Рено родился в 1873 г. в парижской буржуазной семье. Окончил Лицей Кондорсе (1891), бакалавр. С юности был одаренным фехтовальщиком, участвовал в летних Олимпийских играх 1900 и 1908 гг. Пропагандировал во Франции боевые искусства, в том числе дзюдо и джиу-джитсу, написал важные для того времени пособия «Фехтование» (1911) и «Самозащита на улице» (1912), выступал также как арбитр на дуэлях и сам участвовал в многочисленных поединках. С 1897 г. опубликовал множество романов и повестей, среди которых имеются детективные, фантастические и приключенческие произведения, был вице-президентом Общества литераторов, переводил с английского, написал также несколько пьес и киносценариев. Скончался в 1953 г.

Публикуемый перевод повести «Подводный город» был впервые напечатан в журнале «Огонек» (1908, № 5) с подзаголовком «Повесть-шарада». Орфография и пунктуация текста приближены к современным нормам; также исправлен ряд устаревших оборотов.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.